

УКРАИНА: ОЛИГАРХИЧЕСКАЯ ЛОВУШКА РАЗВИТИЯ В КОНТЕКСТЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Ю.В. Киндзерский*

Акцентируется внимание на проблемах трансформации отношений собственности в Украине. Указаны недостатки разгосударствления, обусловившие формирование олигархии и институциональной ловушки олигархизма. Раскрыты отрицательные последствия олигархизации в контексте создания предпосылок эффективного функционирования института собственности. Даны рекомендации по его дальнейшему реформированию, в основу которых положена идея формирования рационального соотношения государственной и частной собственности, преодоления олигархизма, развития приоритетных секторов экономики и инклюзивного развития общества в целом.

Ключевые слова: олигархия, институциональная ловушка, приватизация государства, права собственности, стратегическая собственность.

JEL-классификация: E61, D02, D73.

Материал поступил 1.11.2016 г.

Четверть века хозяйственных преобразований в Украине «сотворили», по ироничному выражению ведущих ученых страны, «настоящее чудо с отрицательным знаком» (Гриценко, 2016). Украина, потеряв позиции в первой десятке индустриально развитых стран мира, превратилась в беднейшую страну Европы с деградированными производством и инфраструктурой, почти разрушенными системами образования, науки, здравоохранения, массовой безработицей и бедностью. Неудачные реформы привели к регулярным социальным протестам и острой неудовлетворенности населения политикой власти, что в конце концов послужило разжиганию военного конфликта на востоке страны.

В поисках причин неудач и моделей преодоления кризиса следует помнить, что любые преобразования в стране происходят прежде всего в системе отношений собственности. Они изменяют формальные и неформальные правила и нормы, регулирующие отношения между субъектами по поводу их притязаний, с одной стороны, на ограниченные ресурсы, а с другой – на

доходы от использования этих ресурсов. Это позволяет выявить институциональные пробелы и ловушки, сформировавшие негативный тренд развития экономики и общества. В контексте перманентности украинского кризиса важной задачей выступает идентификация как самих ловушек, так и определение возможных вариантов выхода из них, что и послужило целью данной работы.

Трансформация отношений собственности: «от плана к клану»

Изменения в «ресурсной» составляющей отношений собственности в Украине заключались в отказе государства от монополии на ведение хозяйственной деятельности и директивного централизованного управления при одновременной легализации частной собственности в производстве и свободы предпринимательства. «Доходная» составляющая касалась принятия нового налогового и бюджетного законодательства, устанавливавшего нормы изъятия и перераспределения государством доходов от хозяйственной деятельности

* Киндзерский Юрий Викторович (vkpp@ukr.net), доктор экономических наук, Институт экономики и прогнозирования Национальной академии наук Украины (г. Киев, Украина).

субъектов разных форм собственности. Общий вектор трансформаций предполагал переход от административно-плановой экономики к рыночной на основе развития частной инициативы. Последняя должна была обеспечить модернизацию производства и его приспособление к потребностям населения. Официально реформа института собственности упрощенно рассматривалась как номинальная замена собственника государственного частным с отведением второму доминирующей роли в экономике. До сих пор большинство политиков и экспертов связывают реформирование этого института в таком ключе, а степень развитости и эффективности экономики ставят в прямую зависимость от доли частной собственности в ней.

Считалось, что ускоренная массовая приватизация быстро решит все проблемы общества, сформирует основные социoliberalные черты частной собственности, присущие развитым западным экономикам, которые эволюционно формировались и совершенствовались там веками (Гальчинский, 2001. С. 116). Принималось как аксиома, что способы приватизации, экономические условия, система управления экономикой, менталитет общества не имеют ни малейшего значения, главное – избавиться от государственной и установить частную собственность. К сожалению, разновекторность и несогласованность реформирования разных составляющих института собственности, связанных не только и не столько с изменением ее форм¹, а также игнорирование ряда очевидных неблагоприятных обстоятельств, сопровождавших его, не создали у субъектов необходимой мотивации для саморазвития и взаимовыгодного взаимодействия в последующие десятилетия.

Приватизация не сформировала у основной массы населения идеалов частного способа производства. Изменение форм собственности, согласно выводам А. Барановского и В. Сиденко, «сопровождалось многочисленными недостатками концепту-

¹ Примером могут служить тщетные попытки государства создать эффективную налоговую систему (как один из элементов института собственности, касающийся перераспределения доходов в обществе) в течение последних двух десятилетий, которая бы стимулировала развитие бизнеса и не мотивировала его к работе в «тени».

ального, нормативно-правового, организационно-методологического, экономического, информационного характера, ... осуществлялось часто теневыми, а нередко криминальными методами, ... фактически не контролировалось государством» (Барановский, Сиденко, 2004. С. 4)².

Массовый собственник в Украине не сформировался³. Реальное участие в приватизации и перераспределении советского имущества было ограничено узким кругом лиц – бывшей партийно-хозяйственной элитой, криминальными авторитетами, новоиспеченными дельцами, заработавшими свой стартовый капитал во времена советской перестройки и начала рыночных трансформаций в Украине в 1990-е годы. С одной стороны, было легализовано латентное владение собственностью высшей партийно-хозяйственной номенклатурой, которой она принадлежала де-факто, хотя де-юре была общенародной⁴. С другой – советская система государственного управления экономикой и правоохранительные органы были дезорганизованы и существенно ослаблены, а новые рыночные институты и механизмы еще не возникли.

Это привело к экономическому хаосу и криминализации общественных и хозяйственных отношений в стране. По наблюдениям социологов, в обществе произошла «криминальная революция» или, как отметил С. Кара-Мурза, «установление такого социального порядка, при котором практически каждая трудящаяся семья оказывается в неизбежном прямом контакте с преступным миром, когда у нее просто нет выбора. А «великой» криминальной революцией надо считать создание такого строя,

² Недоліки механізму приватизації в Україні та їх наслідки. Національна безпека і оборона. 2004. № 2. С. 38–39.

³ Большинство из почти 20 млн акционеров были собственниками номинально, поскольку по результатам сертификатных аукционов не оформили право собственности на акции. Значительная часть тех, кто получил акции, не допускалась к управлению предприятиями. Почти 8 млн чел. вообще отказались от участия в сертификатной приватизации (Барановский, Сиденко, 2004. С. 3).

⁴ Тенденция к такой легализации была заложена еще в СССР в 1985–1991 гг., когда произошли первые «проторыночные» изменения в отношении собственности, оказавшиеся по существу неформальной номенклатурно-бюрократической приватизацией в виде передачи имущества государственных предприятий де-юре в управление трудовым коллективам, а де-факто – их высшему руководству.

когда одновременно с низами криминализован и верх – государственные структуры и крупный капитал»⁵. Результатом этой революции стала массовая имплементация неформальных криминальных практик и норм поведения в отношении между государством, бизнесом и обществом^{6,7}.

Изменения форм собственности в течение 1990-х и первой половины 2000-х годов сформировали в Украине криминальную олигархическую модель организации государства. Политическая и экономическая власть в стране де-факто и де-юре перешла в руки немногочисленной группы сверхбогатых людей – олигархов. Они получили свои состояния по итогам приватизации, причем считаем необходимым подчеркнуть: приватизации объектов большой собственности – крупных предприятий и народнохозяйственных комплексов, отраслевых и межотраслевых производственных объединений, в отдельных случаях представлявших собой целые отрасли экономики и промышленности бывшей УССР. Номенклатурный и криминальный характер приватизации объективно обусловил тот факт, что государственное имущество почти даром было передано олигархии⁸. Это превратило приватизацию в гигантскую «раздачу» бывших советских активов (Бессонова, 2008), сформировало неизвестный

доныне тип отношений собственности – собственность без ответственного эффективного собственника (Гальчинский, 2001. С. 128).

Произошло не отделение власти от бизнеса, наоборот – их связь только усилилась⁹. Весь большой бизнес практически «слился» с центральными и местными органами государственного управления – сформировались олигархические кланы, постоянно конкурирующие между собой за сферы влияния. Их представители превратились в неофеодалов на территориях ведения своей хозяйственной деятельности. По существу, в этот период образовалась непредвиденная в начале преобразований институциональная ловушка олигархизма (неэффективное самовоспроизводящееся устойчивое институциональное равновесие), которая, по определению исследователей, стала обобщенным итогом «перехода от плана к клану» (Libman, 2008. P. 1). Эта ловушка, обладая свойствами QWERTY-эффекта, послужила причиной лавинообразной реакции дальнейшего возникновения и развития неэффективных для общества экономических, социальных и политических институтов, экстрактивных (согласно терминологии Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона (2015. С. 92–97)) по своей сути, т. е. направленных на укрепление доминирования олигархии и ее сверхобогащение.

В политической плоскости это прежде всего проявилось в вырождении привнесенного в Украину извне демократического института формирования государственной власти на основе всенародных выборов. С укреплением олигархии в стране он преобразовался и сегодня является олицетворением «фасадной демократии», когда внешние признаки демократического формирования власти формально присутствуют, но реальной двусторонней связи между избранной

⁵ Рущенко, 2008. С. 195.

⁶ Глубоко и всесторонне проблема криминализации украинского общества вследствие так называемых «рыночных» реформ раскрыта в работах И. Рущенко (2008; 2014).

⁷ Весьма показательным в связи с этим является мнение рядовых граждан. На вопрос «какие социальные группы играют значительную роль в жизни украинского общества?» в четверке лидирующих ответов респондентов оказались: мафия и преступный мир (34,6%), лидеры политических партий (35,9%), предприниматели и бизнесмены (36,9%), чиновники (25,4%) (Ворона, Шульга, 2014. С. 5).

⁸ За первые 10 лет приватизационной кампании (1994–2003 гг.), когда произошла наиболее массовая распродажа госимущества, сформировались нынешние олигархические кланы и частная собственность начала преобладать в экономике, бюджет страны получил всего лишь 6 млрд грн (1 млрд долл.) (Барановский, Сіденко, 2004. С. 3). Довольно показательным примером приватизации за бесценок является продажа в 2011–2012 гг. государственных пакетов акций шести ведущих энергетических компаний Украины холдингу «СКМ» бизнесмена Р.Ахметова по цене, всего лишь втрое превышающей стоимость его лондонской квартиры (Приватизация от Рината: энергетика страны по цене трех лондонских квартир. Информагенство «Униан». Новости от 04.08.2014 г. URL: <http://economics.unian.net/energetics/947378-privatizatsiya-ot-rinata-energetika-stranyi-po-tsene-treh-londonskih-kvartir.html>

⁹ Красноречивым подтверждением этого является тот факт, что Украина в 2016 г. заняла пятое место в рейтинге стран по индексу кланового капитализма (The srony-capitalism index), который составляется изданием «The Economist». По его подсчетам, размер состояний олигархов, прямо связанных с государственной властью, составляет около 7% ВВП (Comparing srony capitalism around the world. The Economist. May 5th 2016. URL: <http://www.economist.com/node/21698237>).

властью и гражданами и зависимости первой от последних нет. Государство как форма организации политической власти в стране полностью автономизировалось от общества, а народ номинально оставаясь, согласно украинской Конституции, единственным источником формирования власти, не получил механизма формализации, нормирования и удовлетворения своих интересов путем ее выборов. Создание этого механизма изначально «выпало» из списка институциональных реформ и до сих пор не ставится на повестку дня. Формально избранная народом власть оказалась ему неподотчетной и неподконтрольной. В последние полтора десятилетия она фактически формируется путем или так называемого «олигархического консенсуса» (неформального договора между кланами о распределении сфер влияния), или олигархических войн (за новые сферы влияния, защиту старых, получение привилегий и т. п.).

При таких обстоятельствах экономическая и социальная политика государства стала воплощением интересов олигархических бизнес-групп¹⁰. Последние в организационно-правовом плане, как правило, представляют собой холдинги, состоящие из компаний, объединенных по отраслевым или/и региональным признакам, или неформальные, юридически неоформленные объединения предприятий, принадлежащие одному или нескольким собственникам. Их структуры соответственно выстроены с учетом договоренностей о распределении сфер регионального и экономического влияния. Практически каждая группа в своем составе имеет и финансовые учреждения для

аккумуляции ресурсов, и медиа-компании для формирования и контроля общественного мнения, PR-поддержки своих собственников, дискредитации оппонентов и конкурентов. Для «вхождения» во власть и получения нужных законодательных решений каждая группа прямо или косвенно причастна к созданию и финансированию политических партий и проектов. Топ-менеджмент групп «делегировается» на высокие руководящие должности в органах законодательной и исполнительной властей, судебной и правоохранительной систем. Особенно ценными активами в составе таких холдингов стали компании, работающие в сферах естественных монополий. Последние оказались неисчерпаемым источником сверхобогащения олигархии при установленном ею контроле решений государства относительно регулирования этих сфер.

***Институт собственности:
феноменология деформаций
и приватизация государства***

По итогам трансформаций институт собственности в Украине оказался серьезно деформирован. Это проявилось в формировании таких взаимосвязанных феноменов, как «неэффективный собственник», нелегитимная собственность, «размытые» и незащищенные права собственности¹¹, «теннизация» собственности.

Неэффективным собственником оказался, прежде всего, с позиций общественной полезности, а не полученных им финансовых результатов и личной выгоды. Следует иметь в виду, что последний распоряжается собственностью настолько эффективно, насколько это дает ему возможность удовлетворить собственные потребности на фоне существующих экономических и ин-

¹⁰ Среди наиболее мощных и влиятельных групп, действующих в Украине, можно назвать: группу «СКМ» (сфера интересов – металлургия, энергетика, машиностроение, связь, телекоммуникации, транспорт, логистика, масс-медиа); «Glopec DF» (энергетика, химическая промышленность, производство титана, недвижимость, масс-медиа); группу «Приват» (финансовая сфера, нефте- и газодобыча, металлургия, машиностроение, авиаперевозки, масс-медиа); «СМАРТ-Холдинг» (металлургия, судостроение, сельское хозяйство); группу «Укрпроминвест» (кондитерская промышленность, агропроизводство, автомобилестроение, судостроение, масс-медиа); корпорацию «ІСД» (металлургия); группу «Интерпайп» (машиностроение, трубная промышленность, банковские услуги, масс-медиа); группу «Энергетический стандарт» (энергетика, машиностроение, судостроение, недвижимость, транспорт); «Кернэл» (агропроизводство); «Мироновский хлебопродукт» (агропроизводство).

¹¹ Вопросы спецификации и размывания прав собственности в теоретическом ключе раскрыты Р. Капелюшниковым (2004). В контексте данной статьи режим размытой собственности следует рассматривать как неопределенность и нечеткость прав субъектов хозяйствования и населения, непрозрачность в принятии государственных решений, «ручное» управление государственными ресурсами, недостаточную экономическую и правовую обоснованность претензий, с одной стороны, государства и отдельных субъектов на доходы и собственность иных субъектов, с другой – субъектов на получение государственной власти и привилегий, и т. п.

ституциональных условий хозяйствования в стране. Влияние государства на формирование этих условий позволяет приблизить деятельность собственника к потребностям общества и говорить об эффективном распоряжении собственностью с точки зрения последнего, особенно тогда, когда общество может контролировать государство. Поэтому проблема создания в стране эффективного собственника в первую очередь является проблемой государства и не может быть разрешена лишь изменением форм собственности. В Украине роль государства в таком контексте не рассматривается, а условия хозяйствования выстраиваются исходя из потребностей олигархического бизнеса, а не общества.

Феномен неэффективного собственника проявился в Украине в разных формах. Прежде всего речь идет о распространении процессов постоянного перераспределения собственности в 90-е годы прошлого столетия, когда субъекты получали доходы не от производственной деятельности, а от перепродажи полученных даром государственных активов или же, что еще хуже, – от их продажи на металлолом для получения «быстрых» денег. Рентабельность таких операций на порядок превышала рентабельность от производства в кризисных условиях того времени. Именно тогда были варварски вырезаны на металлолом и исчезли тысячи уникальных перерабатывающих предприятий при полном равнодушии, а иногда и прямом содействии государства. При таком перераспределении воспроизводственные процессы в экономике затормозились, изношенность основного капитала достигла критического предела. К концу 90-х годов потенциал доходности от перепродажи собственности начал исчерпываться, но ее перераспределение в конце концов привело к появлению и разрастанию олигархического капитала.

Неэффективными в Украине оказалось немало собственников, которые фактически «проедали» полученную собственность, не перепродавая ее и не вкладывая средства в развитие, полностью игнорируя взятые на себя при приватизации инвестиционные, социальные и другие обязательства. На макроуровне это явление названо «про-

еданием» советского наследия. К сожалению, оно до сих пор продолжается – оборудование эксплуатируется до полного физического износа и разрушения, после чего его ожидает продажа на металлолом с дальнейшей ликвидацией самого предприятия. Такое «проедание» характерно для многих крупных приватизированных предприятий в промышленности и энергетике¹². В целом, по результатам анализа деятельности свыше 700 приватизированных крупных и сверхкрупных промышленных предприятий группа ученых НАН Украины, возглавляемая проф. А. Даниленко, пришла к неутешительному выводу, что «приватизированные предприятия не только не демонстрируют значительного улучшения результатов деятельности, а большей частью ухудшили их по сравнению с приватизационным периодом и показателями года приватизации. ... В целом приватизация не обеспечила ожидаемого роста эффективности предприятий и, более того, часто сопровождалась ее снижением. Главная задача приватизации – привести на предприятия эффективных собственников – решена не была» (Даниленко, 2014. С. 417, 419).

¹² Примеров можно привести сотни. Показательной в этом контексте является ситуация с Запорожским алюминиевым комбинатом. Он в 2001 г. был приобретен российской корпорацией «Русал». После этого за 14 лет работы собственники не вложили ни копейки в модернизацию, фактически разорили предприятие, уничтожили уникальное производство первичного алюминия в Украине. Предприятие обанкротилось и остановилось. В 2015 г. комбинат под давлением трудового коллектива был возвращен в государственную собственность (Запорожский алюминиевый комбинат восстанавливают и выставляют на продажу. Интернет-издание «Сегодня». Новости от 13 августа 2015 г. URL: <http://www.segodnya.ua/economics/enews/zaporozhskiy-alyuminievyy-kombinat-vosstanovlyat-i-vystavyat-na-prodazhu-640307.html>). Еще один, не менее красноречивый пример – приватизация и реприватизация металлургического комбината «Криворожсталь». В 2004 г. он был приватизирован и стал собственностью украинского консорциума «Инвестиционно-металлургический союз» (собственники – Р. Ахметов и В. Пинчук), а в 2005 г. – реприватизирован в пользу индийской металлургической корпорации «Mittal Steel». Последняя отказалась выполнять взятые на себя инвестиционные, социальные и экологические обязательства. Бывший «Криворожсталь», а ныне ПАО «АрселорМиттал Кривой Рог» потерял свое градообразующее значение – количество работников на предприятии сократилось разительно – с 50 тыс. чел. на момент приватизации до 6 тыс. чел. сегодня (Ларцев В. Гнилой привкус образцовой приватизации «Криворожстали». Интернет-издание «Хвиля». Новости от 27 марта 2016 г. URL: <http://hvylya.net/analytiks/economics/gniloy-privkus-obraztsovoy-privatizatsii-krivorozhstali.html>).

Режим функционирования собственности в Украине лишь стимулирует собственника к ее «проеданию» и перепродаже. Он приближается к нормативному режиму свободного доступа¹³, когда формально собственник есть, но его права размыты и не защищены, что позволяет посягать на собственность посторонним субъектам – конкурентам по бизнесу, государственной бюрократии, криминалитету. В таких условиях инвестиции в развитие теряют смысл, поскольку возникает значительная неопределенность относительно претендентов на будущие доходы от них. Вместе с тем формирование режима исключительного доступа к ресурсам (исключительных/полных прав собственности) в условиях олигархического государства весьма проблематично.

На первый взгляд, несомненным представляется то, что обеспечение устойчивого и продолжительного экономического развития требует эффективной системы (института) защиты прав собственности. Чтобы эта система возникла, должны существовать агенты, которые в ней не только нуждаются, но и имеют экономические и политические возможности для ее создания. В начале реформ предполагалось, что прежде всего должны быть созданы сами агенты путем передачи собственности в частные руки, а потом с их стороны возникнет спрос на соответствующие институты (Сонин, 2005. С. 1–2). Тем не менее это предположение не сработало, поскольку оказалось, что значительное влияние на их формирование имеет имущественное и политическое неравенство. Олигархия, сконцентрировав в своих руках значительную часть богатства страны и получив политическую власть, действовала в противоположном направлении. С одной стороны, она не создала универсальную (одинаково приемлемую для всех субъектов), законодательно формализованную систему защиты прав собственности, подменив ее индивидуальной, ситуативной, зачастую неформальной, административной, судебной и силовой (с использованием государственных силовых

ведомств и частных охранных структур) защитой. С другой стороны, ею начали создаваться институты, направленные на перераспределение ресурсов и доходов страны в свою пользу, путем размывания прав собственности других субъектов и населения, поиска новых источников рентных доходов, не связанных с инновационной деятельностью и внедрением новых технологий (технологической рентой)¹⁴.

Олигархические кланы в Украине – провластные и оппозиционные – в целом не предъявили спроса на формирование институтов полной защиты прав собственности. Их требования, касающиеся верховенства закона, как справедливо отметил Дж. Стиглиц (2003. С. 199–200), звучат лишь тогда, когда слабеет их связь с властью, и прекращаются сразу после ее усиления. Таким образом, возникает эффект «порочного круга» (Аджемоглу, Робинсон, 2015. С. 404–406), при котором изменение кланов при власти не изменяет ситуацию в целом, поскольку и те, и другие используют власть лишь для укрепления своего положения и увеличения благосостояния. Исследователи отмечают, что олигархия заинтересована в поддержании слабой защиты собственности в стране, поскольку неравенство, возникающее при этом, позволяет манипулировать институтами, что в конце концов приводит к еще большему неравенству и еще большей экономической и политической власти олигархии (Glaeser, Scheinkman, Shleifer, 2003).

В таких обстоятельствах последняя должна вкладывать средства, т. е. инвестировать в индивидуальную защиту и получение привилегий. Эти средства направляются на коррупционный подкуп представителей государственной власти, судебных и правоохранительных органов, создание частных охранных компаний, которые в Украине все больше приобретают черты частных армий. Для экономики страны это создает пагубные не только с точки зрения

¹³ Более подробно о режимах собственности, выделяемых в неинституционализме см. (Нуреев, 2003. С. 119–121).

¹⁴ Такое явление характерно для всех стран, где корпоративный капитал и власть сосредоточены в руках ограниченного числа семей. Это создает последним стимулы для лоббирования собственных интересов на государственном уровне, установления административных и торговых барьеров для конкурентов, получения выгодных государственных контрактов и привилегий (Сонин, 2005. С. 2–3).

роста неравенства в обществе и укрепления олигархии. Экономические агенты, направляя средства на свою защиту, не вкладывают их в производственную деятельность. Угроза потерять собственность и доходы вследствие умышленного размытия прав на нее предопределяет деформации в накоплении капитала и сдерживает развитие производства. Неравенство в доходах и неравные возможности доступа к ресурсам существенно обостряют борьбу за собственность, что уже долгое время наблюдается в Украине и проявляется не только в виде олигархических войн, но и в форме острых и радикальных протестов – так называемых «майданов» («оранжевого», «европейского», «налогового», «валютного», «кредитного» «коммунального» и т. п.), когда население и обычные предприниматели лишались отдельных важных для них прав или наоборот – им навязывались новые неприемлемые нормы, выгодные государству и олигархии.

В условиях отсталой и убыточной (как в Украине) экономики заинтересованность олигархии в еще большем ослаблении защиты прав собственности других субъектов возрастает, поскольку это позволяет ей компенсировать за счет них потери от отсталости. Вместе с тем способность обычных агентов осуществлять индивидуальную защиту еще больше падает. Для экономики такая ситуация подобна даже не ловушке, а удавке, поскольку отсталость производства усиливает процессы размытия прав собственности, ослабляя возможности их защиты и провоцируя нарастание отсталости в перспективе. Казалось бы, теоретически это должно привести к истощению ресурсов олигархии, остальных субъектов и к появлению спроса на повышение общего уровня защиты собственности. Тем не менее в условиях значительного экономического неравенства (характерного для Украины) в конце концов устанавливается долгосрочное устойчивое институциональное равновесие, при котором сохраняется и само неравенство, и слабая защита собственности при низких темпах роста или вообще при его отсутствии (Сонин 2005. С. 9–10).

В такой ситуации рентные доходы, приносящие «быстрые» и «легкие» деньги,

становятся основой обогащения олигархии и контролируемой ею государственной бюрократии, что наглядно подтверждается в Украине. Спектр источников таких доходов постоянно расширяется. Среди ее основных, наиболее прибыльных видов в стране можно выделить следующие:

- природная рента – доходы от продажи природных (минеральных энергетических и неэнергетических полезных ископаемых, леса) ресурсов компаниями олигархов на основании предоставления им государством эксклюзивного формального права на их добычу и продажу. Исключительно с подобными компаниями следует связывать распространение практики незаконной добычи и продажи леса, угля (нелегальные «копанки»), янтаря при неформальной административной и силовой защите такой деятельности со стороны коррумпированной государственной бюрократии и правоохранительных органов;

- монопольная «тарифная» рента – доходы от естественных государственных и частных энергетических, транспортных и коммунальных монополий, полностью контролируемых олигархией, вследствие установления ими при официальном согласовании с властью необоснованно завышенных, непрозрачных тарифов на соответствующую продукцию и услуги;

- «перераспределительная» рента – доходы от постоянного передела собственности, получаемые, как правило, провластными олигархическими кланами, вследствие незаконного захвата («отжима») чужого бизнеса (как компаний других олигархов, оппозиционных к власти, так и обычных компаний, продемонстрировавших свою прибыльность) при активной (формальной и неформальной) административной и силовой поддержке такого захвата со стороны государственной бюрократии, правоохранительных органов, криминальных группировок;

- бюрократическая рента – коррупционные доходы бюрократии за принятие нужных хозяйственных, судебных, административных решений в пользу олигархии и других субъектов (которые могут за них заплатить, но тогда, когда это не противоречит интересам первых) от «продажи»

должностей в органах государственной власти и управления, судебной и правоохранительной систем, в учреждениях государственного сектора; от постоянного инициирования многочисленных «псевдореформ» с соответствующей разработкой под них сомнительных государственных программ и выделением государственных средств, распределяемых в пользу подконтрольного бизнеса;

- земельная рента – доходы олигархии от чрезмерной, изнурительной эксплуатации недооцененных сельскохозяйственных земель; латентной неформальной приватизации де-факто таких земель крупными агрохолдингами при формальном сохранении моратория на их продажу в частную собственность; теневой продажи бюрократией (при официальной безвозмездной передаче в собственность) субъектам коммунальных земель, незаконного изменения категории земель и их дальнейшей теневой продажи, и т. п.;

- финансовая рента – доходы олигархии от установления контроля над расписанием и использованием в своих интересах расходов госбюджета, от манипулирования налоговым законодательством и внедрения новых налогов и сборов¹⁵, от подконтрольных олигархии государственных компаний; от теневых средств, выведенных за границу, и т. п.

Слабая защита прав собственности и явление «неэффективного собственника» тесно переплетаются с отрицательным социокультурным и психологическим восприятием крупной олигархической собственности большинством населения Украины. В данном случае речь идет об эффекте легальной (законной), но нелегитимной собственности. Именно эта большая собственность

в представлении граждан является материализованным наследием советской системы. С ее функционированием большинство населения связывает свое утраченное благосостояние, ассоциирует отрицательные процессы экономических трансформаций в стране. Поэтому логично, что нелегитимность, согласно выводам социологов, стала следствием несправедливой и нечестной¹⁶ в восприятии населения приватизации больших государственных предприятий, дальнейшего образования колоссального имущественного расслоения в обществе, распространения в нем настроений о возвращении государству этой собственности¹⁷.

Нелегитимность – первоисточник размывания и нестабильности прав собственности, искаженной мотивации экономических агентов и неэффективного (для общества) размещения ресурсов. Решение проблемы нелегитимности лежит в плоскости переосмысления и переоценки выгод и потерь, возникших после изменения форм собственности для разных слоев населения. Поскольку значительная часть общества по результатам приватизации потеряла не только свой статус в социальной иерархии, но и, что более важно, свои доходы и материальное благополучие, то легитимация собственности не может быть решена без устранения так называемой «проблемы компенсаций» (Аузан, 2004). В Украине вопрос о подобной компенсации ставился лишь на уровне экспертов, до политических и управленческих решений дело не доходило, а в условиях сохранения олигархии при власти – никогда не дойдет, поскольку приведет к потере ею своего капитала. Это обусловлено тем, что легитимация, как правило, предусматривает возвращение государству приватизированного имущества, его

¹⁵ Примером может служить введение налога на недвижимое имущество, который де-факто будут платить только рядовые граждане, независимо от их финансовой платежеспособности, рыночной стоимости имущества и предстории его получения. Юридическим последствием неуплаты налога будет лишение граждан такого имущества. Нет сомнений, что за бесценок (сумму налогового долга, а не за стоимость самого имущества) оно передастся в собственность компаний, контролируемых олигархией и бюрократией, в качестве нового источника обогащения. Несомненно также, что этот налог был введен из соображений создания дополнительных административных возможностей для передела собственности, а не наполнения местных бюджетов, как это официально декларируется.

¹⁶ Санкцию легитимности чаще всего получают события, процессы и институты, не противоречащие принятым в обществе представлениям о «честной игре», а когда «нечестность» происходящего достигает определенного критического уровня, легитимность «рассыпается» и обеспечить ее не удастся даже аргументами об эффективности преобразований (Капелюшников, 2008. С. 9).

¹⁷ По данным Института социологии НАН Украины, в 2006 г. 67,5% опрошенных граждан отрицательно отнеслись к передаче в частные руки больших предприятий, а 58,2% считали целесообразным вернуть их государству (Резнік, 2006. С. 125). В 2014 г. ситуация кардинально не изменилась, хотя доля отрицательных ответов снизилась до 54,7% (Ворона, Шульга, 2014. С. 1).

частичное перераспределение или материальную компенсацию проигравшим от приватизации¹⁸. Вместе с тем применяемые при этом способы являются лишь формальной попыткой решить проблему, которая неформальна по сути (Капелюшников, 2008. С. 29). Поэтому их эффективность невысока, особенно тогда, когда хотя бы один из субъектов треугольника «государство-бизнес-общество» не поддерживает легитимацию. В Украине же ситуация усложняется тем, что все эти субъекты в той или иной степени проявляют заинтересованность в размывании прав и соответственно склонны поддерживать режим нелегитимной собственности. Это позволяет власти избегать ответственности перед обществом за свои обязательства, подменять декларируемые цели развития страны частными целями олигархии и бюрократии, выстраивать отношения с бизнесом на принципах партикуляризма (отдельные для каждого правила), а не универсализма (одинаковые для всех правила). В таких условиях значительная часть решений власти заведомо персонализирована, ориентирована на конкретного субъекта как относительно создания для него специальных преференций, так и возможного притеснения в интересах третьих лиц. Политика власти раздваивается на формальную официальную и реальную теневую, когда ее деятельность направляется на формирование экономического неравенства для реализации интересов отдельных агентов, отличающихся от официально задекларированных целей развития общества в целом (Барсукова, 2006. С. 6). Поскольку режим размытых прав является фундаментом теневой политики, то власти нет смысла ограничивать свою деятельность формальными нормами, устанавливающими ее ответственность, прозрачность, критерии формирования решений и т. п.

Теневая политика на фоне укрепления олигархии обусловила возникновение в Украине такого социально-деструктивного феномена, как приватизация государства. Следствием стали отказ от создания общественных благ на основе кодифицированных и специфицированных правил эконо-

мического развития и возникновение качественно новых, никем не ограниченных возможностей использования государственной власти как инструмента для передела собственности, монополизации рынков, закрепления сфер влияния, устранения конкурентов не экономическими (в конкурентной борьбе), а административными и силовыми методами, контроля над всеми материальными и денежными потоками страны с их направлением на обслуживание частных интересов отдельных лиц без нормативно узаконенного права на такие действия. Именно поэтому наиболее желанным и ценным активом для олигархического бизнеса в Украине стала государственная власть, именно поэтому в Украине наивысший в сравнении с другими постсоветскими странами уровень политической борьбы за нее. Эта борьба скрывает исключительно экономические интересы олигархии, часто перерастает в открытое (сегодня с большой вероятностью можно говорить – в военное) противостояние политических оппонентов, поддержание центробежных сепаратистских настроений. В данном ключе военное противостояние на востоке Украины, начавшееся в 2014 г., и требования о предоставлении отдельным районам Донецкой и Луганской областей специального статуса, выдвигаемые олигархическими кланами, потерявшими власть, но поддерживаемыми внешними политическими игроками, следует рассматривать как форму борьбы (и ничто иное) за утраченные привилегии, которыми они владели, имея в своем распоряжении государство.

На этом фоне несколько противоречивой и неоднозначной выглядит так называемая политика дерегуляции бизнеса, которую активно «проталкивает» правительство в последние годы. С одной стороны, она официально преподносится как мощное средство стимулирования экономической активности субъектов и борьбы с коррупцией. Однако есть и другая сторона, на существование которой практически не обращают внимания. Возникает вопрос: для чего, для кого и какие последствия для общества может иметь дерегуляция в условиях размытых прав собственности и чрезвычайно низкого уровня их защиты? Де-

¹⁸ Более подробно об известных способах легитимации собственности см. (Капелюшников, 2008. С. 28).

регуляция, которую также отождествляют с либерализацией, по большому счету не что иное, как размывание прав собственности. Сейчас государство отказывается от части своих регуляторных функций, отменяет часть формальных норм, регулирующих взаимоотношения субъектов бизнеса – внутренние, с государством, с работниками, с населением. При этом такая отмена почему-то никак не отражается на экономическом оживлении, наоборот – продолжают снижаться темпы развития экономики и производства, коррупция не уменьшается, безработица возрастает, криминальная ситуация обостряется.

Следует заметить, что связь между дерегуляцией и ростом вовсе не такая прямая и сильная, как считают ее идеологи. В частности, Дж. Стиглиц (Stiglitz, 2000) в 2000 г. на примере рынка капитала показал, что либерализация (в нашем случае – дерегуляция – Ю.К.) далеко не всегда стимулирует рост, а в большей степени приводит к нестабильности и хаосу. Его выводы полностью подтвердились в 2008–2009 гг., когда в мире разгорелся финансовый кризис, обусловленный, как потом стало ясно, именно значительной либерализацией мирового финансового рынка в предыдущие десятилетия. После этого западными правительствами был взят курс на усиление регулирования (дерегуляцию) этого рынка.

В Украине примером итоговой дерегуляции может служить ситуация с незаконной добычей янтаря в ее северо-западных областях. Эта сфера до последнего времени практически не регулировалась государством, т. е. была полностью дерегулирована. В ней сформировались свои неформальные криминализованные отношения между субъектами добычи, с одной стороны, и представителями власти, правоохранительных органов, криминальными группировками, которые все вместе «покрывали» («крышевали») эту добычу – с другой. Кроме значительных потерь для бюджета страны и незаконного теневого сверхобогащения бюрократии и отдельных дельцов, добыча этого камня вызвала катастрофические экологические последствия.

Еще одним не менее красноречивым негативным примером дерегуляции и раз-

мыывания прав собственности, заслуживающим отдельного внимания, являются принятые на протяжении последних пяти лет законодательные изменения в правилах государственной регистрации субъектов хозяйствования¹⁹. Эти изменения, по признанию министра юстиции Украины П.Петренко, на фоне традиционной официальной риторики о необходимости упрощения условий ведения бизнеса в стране, де-факто были приняты ради существенного расширения возможностей его захвата посторонними лицами и мошенничества с собственностью субъектов²⁰, т. е. государство в завуалированной форме фактически узаконило рейдерство. Была введена упрощенная процедура государственной регистрации юридического лица и внесения изменений в ее учредительные документы, регистрационные данные, а нотариусам предоставлено право осуществлять регистрационную деятельность. Таким образом, государственная монополия в этой сфере была упразднена и расширено поле для деятельности так называемых «черных регистраторов» и «черных нотариусов». Пользуясь законодательными пробелами и неточностями (или иначе – размытостью прав), действуя в сговоре с рейдерскими группами, они получили возможность беспрепятственного внесения изменений в состав собственников и руководства предприятий в соответствующем государственном реестре²¹. Только в 2015 г. благодаря этим «новациям» произошло около 3 тыс. рейдерских захватов предприятий и лишь 300 из них удалось вернуть предыдущим собственникам. В связи с этим, наверное, не нуждается в доказательстве тезис о том, что рейдеры, получив от власти «бла-

¹⁹ Закон Украины «О государственной регистрации юридических лиц, физических лиц-предпринимателей и гражданских образований» от 15 мая 2003 г. № 755-IV (в редакции Закона Украины № 835-VIII от 26.11.2015 г.); Закон Украины «О государственной регистрации имущественных прав на недвижимое имущество» от 1 июля 2004 г. № 1952-IV (в редакции Закона Украины № 834-VIII от 26.11.2015 г.).

²⁰ Интервью министра юстиции Украины П. Петренко в телевизионной передаче «Факты-ICTV» от 27 июля 2016 г. (доступно для просмотра с официального сайта Министерства юстиции Украины, а также на странице телеканала ICTV на видеопортале YouTube).

²¹ Более подробно о схемах рейдерских захватов бизнеса на основе законодательных нововведений см. (Боднарчук, 2016).

гоприятные» условия для своей деятельности и действуя под покровительством и защитой ее высокопоставленных представителей, являются всего лишь одним из инструментов последней в перераспределении собственности в пользу олигархических кланов. И можно согласиться с неутешительным, хотя несколько категоричным выводом проф. И. Рущенко (2014), что в Украине состоялся переход от криминального общества, возникшего в 1990-е годы, к криминальному государству ныне.

Отмена или отсутствие (как в случае с янтарем) формальных норм всегда приводит к появлению неформальных, причем далеко не всегда взаимовыгодных для всех субъектов. В данном случае в формировании неформальных правил и разрешении неминуемых конфликтов между субъектами будет срабатывать известный принцип права силы, а не силы права. Поэтому в условиях размытой и незащищенной собственности, имущественного неравенства и концентрации капитала в руках олигархии провозглашенная в стране дерегуляция наибольшую выгоду принесет именно последней, поскольку откроет новые возможности для ее обогащения не за счет развития производства, а за счет усиления перераспределительных процессов. Бюрократия также не останется в накладе, поскольку при отсутствии возможностей решения споров между субъектами на основе неформальных норм, возникших вследствие дерегуляции, они на коррупционной основе будут обращаться к бюрократии как к арбитру за получением формальных партикулярных решений.

В отношениях власти и бизнеса в Украине при размытой и незащищенной собственности приватизация государства – не единственная модель их взаимодействия. Такие отношения, как отмечалось, характерны только между олигархическим капиталом и властью. С малым и средним бизнесом, а также с большим бизнесом, который не представлен во власти (хотя это редкость для Украины), власть выстраивает свои отношения на основе моделей патронажа («крышевания» своего бизнеса), подавления (использования неэкономических административных и силовых средств уст-

ранения конкурентов «провластного» бизнеса), ренты («откатов», «откупных» от бизнеса за нужные хозяйственные решения и возможность находиться «в тени»), партнерства (компромисса между властью и бизнесом) (Барсукова, 2006. С. 9).

Первые четыре модели являются неформальными, но полностью имплементированными в Украине формами взаимодействия. Последняя, хотя и официально провозглашается и закреплена законодательно, на практике остается декларацией. Эти модели иерархически взаимосвязаны. Верхушкой иерархии выступает модель приватизированного государства. Благодаря ей олигархия использует другие как средство альтернативного внеэкономического получения сверхдоходов в условиях деградированной экономики. Поэтому закономерным для страны является отсутствие прогрессивных институциональных и социально-экономических сдвигов при перманентном, тотальном, волюнтаристском административно-силовом перераспределении собственности.

Приватизация государства сделала невозможным создание эффективного собственника. Провластный олигархический бизнес деньгами и административными средствами государства удовлетворяет преимущественно собственные интересы, далекие от интересов общества. Проблемы последнего решаются на том минимально необходимом уровне, который позволяет обезопасить деятельность олигархии от угрожающих социальных конфликтов, хотя это, как показали неединичные массовые протестные выступления населения, далеко не всегда удается. Размытые права собственности, расплывчатые или вообще отсутствующие законодательные нормы, позволяют власти не учитывать критерии общественной эффективности при принятии государственных решений, а формировать их исходя из запросов олигархии, отдав ей контроль над процессами формирования государственных финансов и распоряжение всем национальным богатством страны.

Примеров можно привести немало. Это и «выдавливание» из субъектов хозяйствования и населения ресурсов путем установления чрезмерной, несопоставимой с их экономическими возможностями налоговой

нагрузки при том, что весь олигархический бизнес работает по оффшорным схемам. Это и экономически необоснованное и непрозрачное («кулуарное») предоставление привилегий и льгот провластному бизнесу, регулярное законодательное списание всевозможных его долгов перед государством, погашение за счет государства кредиторской задолженности, приватизация государственных объектов на условиях, выписанных и приемлемых только для олигархии, предоставление лицензий на добычу полезных ископаемых исключительно «своим» компаниям, осуществление государственных закупок исключительно у «своих» компаний (даже недавно введенная в Украине электронная система госзакупок «Prozorro», как показала практика, здесь бессильна), «ручное» распределение бюджетных ресурсов без учета норм обеспечения субъектов бюджетной сферы, финансирование разнообразных сомнительных программ и т. п. Совершенно очевидно, что чрезвычайно острая для советской экономики проблема мягких бюджетных ограничений, которая должна была (по замыслу реформаторов) исчезнуть с отказом от государственной собственности, так и осталась нерешенной. Именно в этом мы видим одну из причин неэффективной деятельности подавляющего большинства крупных и сверхкрупных предприятий промышленности после приватизации.

Размытые права собственности – основа теневой экономики, чем выше уровень размытия, тем выше степень тенизации и – наоборот. В Украине половина экономики длительное время находится в тени. Вместе с тем эксперты подчеркивают: расширение теневого сектора является следствием слабости институтов государства²², а приватизированное государство само в значительной мере заинтересовано в его существовании. Можно согласиться с тем, что теневая экономика в сравнении с легальной, у которой четко определены права собственности, позволяет государственной бюрократии, во-первых, получать дополнительные, гораздо более высокие нео-

фициальные доходы из теневого бизнеса; во-вторых, теневые доходы бюрократии, что более важно, в условиях экономической и политической турбулентности являются источником ее самосохранения путем выстраивания коррупционных сетей и пирамид внутри властной иерархии (Барсукова, 2006. С. 10–14).

Отечественный бизнес также заинтересован в поддержании режима размытых прав и тенизации своей деятельности. Причина этого, как отмечено ранее, получение индивидуальных привилегий. Но есть и другие факторы, среди которых следует отметить по крайней мере два основных. Первый связан с тем, что весь бизнес (а не отдельные провластные его представители) таким образом увеличивает свою доходность, не уплачивая налоги. Это выгодно бизнесу. Но, с другой стороны, можно предположить, что государство сознательно устанавливает непосильное для субъектов налоговое бремя на фоне размытых прав собственности (в данном контексте это отсутствие правовых механизмов его обжалования) ради создания для себя источников неофициальных доходов, образуемых путем взимания коррупционной платы с субъектов за «разрешение» работать в тени. Второй фактор: отечественные производители, получая большие доходы, а значит, и большую устойчивость, таким способом реагируют на конкурентное давление иностранных компаний на внутреннем рынке, стараясь компенсировать недостатки своей технологической и организационной отсталости на фоне серьезных ресурсных ограничений. С большой вероятностью, учитывая упомянутые выше модели взаимодействия государства и бизнеса, можно предположить, что государство в рамках так называемой дерегуляции содействует распространению теневой деятельности субъектов, ограничивая или отменяя формальный контроль над ними, заменяя его неформальным.

Больше всего от размытия прав собственности в стране, особенно в части социальных, экономических, трудовых прав, страдает население. Следует отметить, что практически все так называемые «реформы», проводившиеся в Украине в последнюю четверть

²² Основные причины тенизации экономики Украины освещены в работах (Барановский, Сіденко, 2004; Варналий, 2006).

века, были направлены на уменьшение или лишение прав рядовых граждан. Последние оказались практически беззащитны перед тиранией государственной бюрократии и работодателей. Сначала де-факто, а со временем де-юре население утратило право на достойное медицинское, социальное, пенсионное, жилищное обеспечение, гарантированное рабочее место с достойными условиями работы и оплатой, качественное образование и т. п. Контролируемое олигархией государство как никогда близко к узакониванию трудового бесправия, фактически «трудового рабства» наемных работников подобно сформировавшемуся в теневом секторе экономики²³. Все это лицемерно преподносится как стремление к европейским ценностям и стандартам жизни, при этом игнорируется то обстоятельство, что формирование социального государства западного образца, которое было начато в 30-е годы прошлого столетия, происходило в направлении как можно более полного обеспечения западными правительствами этих прав граждан, но не их лишения, как в Украине. Именно их соблюдение и защита на Западе способствовали росту благосостояния населения и развитию экономики на инновационной основе.

В Украине все, что касается обеспечения и защиты прав граждан, однозначно преподносится властью как вредный популизм, а лишение прав – как важные и эффективные реформы. Как показывает зарубежный опыт, результаты таких реформ в стране будут далекими от провозглашаемой цели создания социального государства. Это уже привело к формированию откровенно отри-

цательного общественного мнения. По данным Института социологии НАН Украины, в 2014 г. чувствовали свою беспомощность перед произволом власти 17% граждан, потеряли социальный оптимизм, надежду на изменение к лучшему ситуации в стране 27%, утратили веру в людей, сталкиваясь с подлостью и предательством, 18% граждан (Ворона, Шульга, 2014. С. 45). Реальные инструменты и механизмы защиты прав граждан в стране отсутствуют (более того – государство не ставит себе цель их создать), поэтому 56% граждан считают, что ничего не смогут сделать в случае принятия государством решений, ущемляющих их законные права и интересы, а 5,5% граждан готовы к радикальным действиям – захвату зданий государственных учреждений (3,1%), созданию независимых от Президента и Правительства вооруженных формирований (2,4%) (Там же. С. 12, 13). Иными словами, инструменты «Майдана» для защиты населением своих прав себя не исчерпали. Отсюда колоссальное недоверие к институтам государства – Президенту Украины полностью доверяет всего 5,4% граждан, Верховной Раде – 0,9%, Кабинету Министров – 1,8% (Там же. С. 23).

Приватизация государства олигархией, автономизация власти относительно рядовых граждан, нивелирование прав последних спровоцировали отторжение обществом официального государства и подтолкнули к формированию в отдельных регионах Украины (Хмельницкой, Тернопольской, Львовской областях) нового феномена – народной экономики и народных предприятий. Они не регистрируются в госорганах, не получают государственных лицензий и разрешений, не платят государству налоги, заменяя их незначительными взносами в фонд общины, на территории которой работают и которая выдает им «разрешения» на работу. При этом законность своей деятельности такие предприятия обосновывают пятой статьей Конституции Украины²⁴ и законодательством о

²³ Проектом нового Трудового кодекса (регистрационный № 1658), принятого в ноябре 2015 г. в первом чтении Верховной Радой Украины и официально представленного как акт дерегуляции и улучшения условий для ведения бизнеса, предусмотрены: отмена нормированного рабочего дня, возможность расширения трудовых обязанностей без соответствующей оплаты, упрощение процедуры увольнения, расширение списка причин для увольнения работника без согласования с профсоюзом, нивелирование роли трудовых коллективов и профсоюзов при защите интересов работников, расширение возможностей для применения дискриминационных срочных отношений на основе трудовых договоров, привлечение (фактически – принуждение) работника к сверхурочным работам и работам в выходные дни без согласия профсоюза, установление контроля над работником техническими средствами, увольнение без ограничений несовершеннолетних, привлечение к работе в ночное время женщин, имеющих детей в возрасте до 3-х лет, и несовершеннолетних, и т. п.

²⁴ Статья 5 Конституции Украины отмечает, что «носителем суверенитета и единственным источником власти в Украине является народ. Народ осуществляет власть непосредственно и через органы государственной власти и органы местного самоуправления. Право определять и изменять конституционный строй в Украине принадлежит исключительно народу и не может быть узурпировано государством, его органами или должностными лицами».

местном самоуправлении и территориальных общинах²⁵.

Несмотря на все эти «отклонения», население также имеет определенные выгоды от режима размытых прав и теневой экономики. Работая в «тени», львиную долю своих доходов оно не декларирует и получает зарплату от работодателя в «конвертах» (по данным Государственной фискальной службы Украины, доля таких работодателей в августе 2016 г. превышала 60%). Субъект теневой деятельности официально выплачивает лишь законодательно установленную минимальную заработную плату своим работникам, тогда как их незадекларированная оплата превышает официальную в среднем в три-пять и более раз. Поэтому скрытые доходы привлекательны для населения. Они позволяют сохранять «температуру» социального недовольства граждан на уровне, который не выливается в перманентный острый социальный конфликт с разрушительными последствиями для страны, поддерживать потребление в периоды циклических спадов производства, выступая стимулом для выхода из рецессии, жить не по средствам на фоне официальной бедности и т. п. Само государство смотрит на проблему сокрытия гражданами своих доходов «сквозь пальцы». Это позволяет ему особо не тратиться на поддержание предусмотренных законом социальных гарантий, а «сэкономленные» по этим статьям средства использовать на удовлетворение частных интересов власти.

Выход из ловушки: «демократизация» vs. «олигархизация»

Очевидно, что существующий режим функционирования собственности на фоне структурно-технологической отсталости экономики ориентирован лишь на удовлетворение краткосрочных интересов субъектов, но он категорически неприемлем с позиций создания благоприятных возможностей для преодоления этой отсталости в долгосрочной перспективе. Без изменений в отношении собственности и преодоления олигархии традиционные средства экономической полити-

ки для стимулирования развития будут неэффективны. Например, в выборе моделей промышленной политики складывается типичная ситуация. С одной стороны, «жесткая» политика не снимает, а наоборот – заостряет проблему мягких бюджетных ограничений, поскольку создает непродуктивные (не направленные на развитие) привилегии исключительно для олигархии, а применяемые при этом инструменты только консервируют отсталость производства. «Мягкая» либеральная политика при размытых и незащищенных правах собственности, расплывчатости или отсутствии формальных правил взаимодействия субъектов приведет к обратному эффекту – усилению экономического неравенства и перераспределительных процессов в пользу олигархии, применению ею права силы в политике и экономике, росту спроса субъектов на партикулярные решения власти.

Приватизированное государство создаст ряд угроз как внутреннего, так и внешнего происхождения. Среди внутренних – перманентная острая политическая, экономическая, а ныне (как стало очевидным) и военная борьба олигархических кланов за право собственности на это государство. Среди внешних – неконтролируемое проникновение на внутренний рынок иностранных транснациональных компаний, по сути – иностранной олигархии. Не следует питать иллюзий, что подобное проникновение – благо для Украины. И отечественная практика, и опыт развивающихся стран с близкими институциональными условиями показали преимущественно отрицательные последствия деятельности иностранных ТНК для их экономик²⁶. Причем эти последствия определяются именно институциональными условиями, в частности, способностью государства направлять их деятельность в нужное для страны русло и ставить их в одинаковые с внутренними субъектами условия. Модель приватизированного государства идеально подходит для навязывания указанными ТНК выгодных для себя, но неприемлемых для общества институтов в стране. С учетом значительно большего финансового потенциала иностранной олигархии по сравнению с отечественной угроза реприватизации государ-

²⁵ Сибирцев А. 2016. Люди вне государства. Информпортал «Страна». Новости от 23 марта. URL: <http://strana.ua/articles/istorii/4117-ly-udi-vne-gosudarstva.html>

²⁶ Более детально: (Перкинс, 2005; Вернер, Вайс, 2007).

ства в пользу первой слишком высока и реалистична²⁷. В таком случае о структурно-технологической модернизации экономики и промышленности в интересах общества можно забыть. Для иностранных ТНК привлекательными в Украине являются лишь аграрная сфера – как основная, транспортная (в частности, портовая и железнодорожная) инфраструктура – как вспомогательная для беспрепятственного вывоза аграрного сырья на мировые рынки и IT-сектор – как объект аутсорсинга для иностранных IT-компаний.

Реформирование отношений собственности для обеспечения эффективных структурных изменений и модернизации производства в интересах общества, а не олигархии не должно отождествляться только с окончательной приватизацией остатков государственного имущества. Не следует забывать о том, что приватизация – это один из инструментов, а не цель экономической политики в вопросах повышения эффективности собственности. Современной теорией и практикой доказано, что не существует универсально приемлемой формы собственности, которая всегда и независимо от конкретно-исторических условий превосходила бы по эффективности другие формы в любой стране или сфере экономики (Радыгин, Энтов, 2013. С. 7–8). При определенных «рафинированных» идеальных институциональных условиях в стране²⁸, указанных Дж. Стиглицом и Д. Сепингтоном в «фундаментальной» теореме приватизации («теореме безразличия») (Sappington, Stiglitz, 1987), выбор в пользу приватизации или национализации, государственного или частного предпринимательства далеко не очевиден, а потому од-

нозначно и категорично говорить о необходимости приватизации нет оснований. Если большинство из этих условий отсутствуют или не действуют в полной мере, то последствия приватизации, как показала украинская действительность, будут отрицательными, а при существовании приватизированного олигархией государства их создание и поддержание становится невозможным, частная собственность обрекается на перманентную неэффективность, прежде всего общественную.

Полностью поддерживая позицию академика РАН В. Полтеровича, отметим, что решение структурных проблем производства и его модернизация могут быть обеспечены путем формирования рационального соотношения государственной и частной собственности без преуменьшения роли первой и идеализации роли второй в этих процессах (Полтерович, 2012. С. 58). Крупные государственные предприятия, прежде всего государственные холдинги и производственные объединения, следует использовать как «агентов» модернизации и ключевых субъектов формирования технологических платформ на приоритетных направлениях развития, инициаторов и основных исполнителей крупных отраслевых и межотраслевых проектов²⁹. Причем, при-

²⁹ Не следует воспринимать подобный подход с иронией и скепсисом. Например, В. Попов, проанализировав экономические реформы многих стран – развитых и развивающихся, пришел к выводу: быстрое и эффективное развитие следует напрямую связывать с наличием существенной доли государственного сектора в стране, тогда как экономические «провалы» – наоборот, с его отсутствием или незначительным размером (Попов В. 2011. Приватизация в теории и на практике. Экспертный портал «Открытая экономика». Новости от 18 февраля. URL: <http://opec.ru/1345942.html>). В развитых странах вклад государственного сектора в создание ВВП в 2000-е годы колебался от значительного (более 25% во Франции и Италии) до доминирующего (80% в Финляндии и Норвегии). В успешных странах с развивающимися рынками этот показатель также был весьма заметным (в 2010 г. в Бразилии – 30%, Китае – 29,7, Польше – 28, Таиланде – 26, Турции – 14, Вьетнаме – 33,7% (Musacchio, Lazzarini, 2012. PP. 5–7). Мировой финансовый кризис 2008–2009 гг. спровоцировал новую волну государственного интервенционизма, увеличение государственного сектора в экономике многих развитых и развивающихся стран. Происходит очередной отход от модели свободного рынка и возвращение к государственному капитализму. К такому выводу склоняются аналитики британского журнала «The Economist», полагающие, что государственный капитализм стремительно «набирает обороты» и становится доминирующей экономической моделью для развивающихся стран в XXI в. (The rise of state capitalism. The Economist. 2012. January 21st–27th. URL: <http://www.economist.com/node/21543160/>).

²⁷ Такая ситуация наблюдается в большинстве африканских и южно-американских стран, а также в отдельных постсоциалистических странах – членах Евросоюза, в которых производство практически полностью перешло в собственность иностранных ТНК из развитых стран, а их правительства потеряли возможность самостоятельно определять направления своей экономической и социальной политики.

²⁸ Такими условиями являются: «благосклонное» государство, которое максимизирует общественное благосостояние; конкуренция на рынке и действенные механизмы ее защиты; отсутствие негативных экстерналий; полный доступ производителей к информации (симметричная информация); отсутствие рисков хозяйственной деятельности; полнота контрактов; полная спецификация и защита прав собственности законом, правоохранительными и судебными органами; невозможность в рамках политической системы получения личной выгоды политиками и бюрократией от принятых ими государственных решений (Радыгин, Энтов, 2013. С. 39).

оритетами для государственной поддержки должны выступать именно конкретные проекты с определенной эффективностью, а не отрасли как таковые. Частная собственность должна доминировать в сфере малого и среднего бизнеса.

В Украине государственные предприятия следует использовать для преодоления «провалов» рынка, в том числе в инновационной и социальной сферах, сфере естественных монополий, для получения мощных положительных экстерналий эффектов, развития и поддержки всех видов инфраструктуры, высокотехнологических перерабатывающих отраслей, контроля над «угасающими» производствами и сферами, для поддержки инновационной и инвестиционной активности в отсталых и депрессивных регионах, увеличения доходов бюджета, добычи и рационального использования природных ресурсов с экологической точки зрения и исходя из принципа справедливости поколений, обеспечения стабильности в финансовой сфере, восстановления разрушенных войной территорий на востоке страны, т. е. можно говорить, что эти предприятия в немалой степени призваны определять безопасность развития страны и общества в разных аспектах. За ними целесообразно законодательно закрепить статус стратегических предприятий с предоставлением им соответствующей государственной поддержки и особых условий регулирования деятельности согласно с поставленным перед ними задачам.

Что касается основ организации государственного и корпоративного управления государственными компаниями³⁰, полагаем уместным отметить, что формирование их структуры, на наш взгляд, должно происходить, с одной стороны, с учетом необходимости выпуска преимущественно продукции конечного потребления и максимального замыкания внутри корпораций технологических цепочек ее изготовления, а с другой – по возможности ориентировать-

ся на более широкую внутреннюю межрегиональную аллокацию предприятий, входящих в их состав. Такая аллокация станет экономической предпосылкой «связывания» отдельных регионов между собой, уменьшая острые для Украины проявления регионального сепаратизма, обусловленного в немалой степени существенной экономической обособленностью регионов, включением значительного количества предприятий, особенно из восточных областей страны, в технологические цепочки компаний сопредельного государства.

Понятно, что количественное соотношение размеров государственного и частного секторов должно определяться конкретными задачами развития производства и инфраструктуры. Поэтому следует четко определить цели государственного предприятия, сферу и масштабы его деятельности. Портфель государственных активов должен регулярно пересматриваться и в случае необходимости изменяться правительством в зависимости от перечня задач, которые уже решены или должны быть решены в перспективе. Для всех предприятий, подлежащих приватизации, следует разрабатывать проект обоснования ее целесообразности, а также в обязательном порядке предусмотреть возможность возвращения в государственную собственность в случае невыполнения субъектами условий приватизационного договора. В связи с этим следует изменить подходы к законодательному установлению перечня объектов права государственной собственности, не подлежащих приватизации³¹. В настоящее время нормативно-методические акты, которые его определяют, отсутствуют, и правительство устанавливает этот перечень по своему усмотрению, часто руководствуясь личной выгодой. Не удивительно, что с момента принятия соответствующего законодательства в 1999 г. он только сокращался и никогда не увязывался с задачами развития страны.

Перевод большого бизнеса в государственную собственность позволит параллельно решить другую важную проблему – део-

³⁰ Проблемам организации эффективного государственного и корпоративного управления на предприятиях государственной собственности посвящено немало работ (Полтерович, 2012; OECD, 2005; Авдашева, Долгопятова, Пляйнес, 2007).

³¹ Закон Украины «О перечне объектов права государственной собственности, не подлежащих приватизации» от 7 июля 1999 г. № 847-XIV (с последующими изменениями).

лигархизировать экономику и политику³². Это связано с тем, что основой возникновения и существования олигархии прежде всего является большая собственность. Она должна быть деприватизирована и возвращена государству, причем не выборочно, а полностью, иначе подобное мероприятие превратится в ее очередной передел между провластными и оппозиционными олигархическими кланами. Вся большая собственность должна стать достоянием не олигархии, а всего населения страны. Должна произойти, по выражению А. Гальчинского, ее «демократизация» (Гальчинский, 2001. С. 114–124), присущая наиболее развитым странам мира, в которых ее владельцами формально выступают разнообразные государственные суверенные фонды. Акциями последних владеют большинство граждан этих стран. После создания подобных фондов в Украине, на наш взгляд, следует предоставить право на безусловное получение и владение их акциями всем гражданам страны в равной степени. Кроме преодоления проблемы олигархизации, это позволит уменьшить масштабы и угрозы имущественного неравенства населения.

Логика преодоления деформаций в функционировании института собственности должна выстраиваться по стратегии одновременных целенаправленных изменений институциональных и экономических параметров хозяйственной системы страны, что связано с взаимной проницаемостью последних. С одной стороны, без преодоления проблемных «узлов» в отечественной экономике – структурных, технологических, воспроизводственных, организационно-управлен-

ческих, социальных – не удастся обеспечить положительные институциональные изменения. С другой – изменения в системе прав собственности как в части формирования прозрачного и справедливого доступа субъектов к ресурсам (регуляторная, денежно-кредитная, бюджетная политика) и распределения доходов (налоговая политика), так и относительно надежной защиты прав собственности и их четкой спецификации не только для государства, но и для субъектов хозяйствования, и для рядовых граждан должны стать неотъемлемой составляющей стратегии развития экономики, чего до настоящего времени не было. Это существенно ограничит возможности для представителей власти и бизнеса получать «административные», «рентные» и «рейдерские» доходы, повысит у субъектов хозяйствования стимулы к продуктивной производственной деятельности, их заинтересованность во внедрении инноваций.

Важными и сверхсложными задачами в связи с этим являются, во-первых, разработка механизма трансформации политических обязательств власти, взятых перед обществом, в практическую плоскость, с обязательно предусмотренной ответственностью за их невыполнение, во-вторых, формирование эффективной конституционно и законодательно формализованной системы контроля общества за деятельностью власти с возможностью оперативного ее корректирования. Целесообразность этого связана с необходимостью ликвидации неформального и формального партикуляризма в отношениях между властью, бизнесом и обществом, минимизации использования власти бизнесом и бюрократией в личных целях.

* * *

В целом не следует полагать, что размытый режим собственности и теневую хозяйственную деятельность удастся преодолеть в краткие сроки принятием какого-то одного нормативного акта, который все сразу урегулирует. Следует чрезвычайно осторожно относиться к политике дерегуляции, поскольку в условиях неопределенности прав собственности она будет иметь лишь отрицательные последствия для экономики и общества.

³² Упреждая возможную критику и скептицизм оппонентов о том, что контролируемое олигархией государство в нынешней ситуации никогда само не инициирует подобные процессы, отметим, что мы это осознаем. Не углубляясь в раскрытие данной проблемы в силу ее масштабности, коротко заметим, что не следует забывать, как обращают внимание Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон (2015), что радикальные институциональные изменения и слом траектории институционального и экономического развития всегда происходят под действием определенных, критических для общества, внешних и внутренних экономических, социальных, демографических, политических, военных и даже климатических обстоятельств. Одни критические обстоятельства в свое время породили в Украине олигархию и дали толчок развитию экстрактивных экономических и политических институтов, другие критические обстоятельства, многие из которых в настоящее время уже сформированы самой олигархией, дадут толчок к деолигархизации и развитию инклюзивных институтов.

По нашему мнению, более важно изменить и закрепить, сначала в сознании всех граждан, а со временем отобразить в законодательстве фундаментальный принцип формирования самого права каждого субъекта. Сегодня его можно сформулировать так: «разрешено все, что не запрещено». Следование этому принципу спровоцировало возникновение большинства проблем в функционировании института собственности в Украине, поскольку чем больше размытость, тем меньше норм, которые запрещают агентам осуществлять определенные действия, придерживаться определенного поведения и принятых общественных ценностей. Следствием его наложения на размытую систему прав стал рост хаотичности хозяйственной системы Украины. Это увеличило уровень ее асимметрии и затратности, что при остром дефиците финансовых ресурсов только укрепляло негативные параметры отечественного производства. Поэтому возможно внедрение другого, противоположного существующему принципа, а именно: «разрешено только то, что регламентировано» (соответственно все другое запрещено). В меру «вызревания» хозяйственной системы количество разрешенного должно накапливаться и соответствующим образом регламентироваться. Это, с нашей точки зрения, станет основой формирования заинтересованности и мотивации всех субъектов – государства, бизнеса и населения, в четкой спецификации своих прав собственности, их взаимной согласованности и непротиворечивости. При таких условиях вопрос дерегуляции не будет возникать, а проблемы имеющих деформаций института собственности и институциональных ловушек постепенно будут нивелироваться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (REFERENCES)

- Авдашева С., Долгопятова Т., Пляйнес Х.** 2007. Корпоративное управление в АО с государственным участием: российские проблемы в контексте мирового опыта. *Препринт WP1/2007/01*. Москва: ГУ ВШЭ. 52 с. [Avdasheva S., Dolgopyatova T., Pleines H. 2007. Corporate Governance in Russian Companies with State Ownership. *Working paper WP1/2007/01*. Moscow: State University – Higher School of Economics. 52 p. (In Russ.)]
- Аджемоглу Д., Робинсон Дж.** 2015. *Почему одни страны богатые, а другие бедные*. Происхождение власти, процветания и нищеты. Москва: Изд-во АСТ. 575 с. [Acemoglu D., Robinson J. 2015. *Why Nations Fail. The Original of Power, Prosperity, and Poverty*. Moscow: AST Publishers. 575 p. (In Russ.)]
- Аузан А.** 2004. Вертикальный контракт неустойчив. *Отечественные записки*. № 6. URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/6/vertikalnyy-kontrakt-neustoychiv> [Auzan A. 2004. Vertical contract unstable. *Otechestvennye zapiski*. No 6. URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/6/vertikalnyy-kontrakt-neustoychiv> (In Russ.)]
- Барановський О., Сіденко В.** 2004. Проблеми власності та легалізації капіталів і доходів в Україні. *Національна безпека і оборона*. № 2. С. 2–13. [Baranovskyi O., Sidenko V. 2004. Issues of ownership and legalization of capital and income in Ukraine. *Natsionalna bezpeka i oborona*. No 2. PP. 2–13. (In Ukr.)]
- Барсукова С.** 2006. Теневая экономика и теневая политика: механизм сращивания. *Препринт WP4/2006/01*. Москва: ГУ ВШЭ. 48 с. [Barsukova S. 2006. Shadow Economy and Shadow Politics: The Mechanism of Merging. *Working paper WP4/2006/01*. Moscow: State University – Higher School of Economics. 48 p. (In Russ.)]
- Бессонова О.** 2008. Образ будущего России в контексте теории раздаточной экономики. *Публичные лекции «Polit.ru»*. 5 декабря. URL: <http://www.polit.ru/lectures/2008/12/05/bessonova.html> [Bessonova O. 2008. The image of the future of Russia in the context of the theory of the transfer of the economy. *Publichnye lekcii «Polit.ru»*. December 5th. URL: <http://www.polit.ru/lectures/2008/12/05/bessonova.html> (In Russ.)]
- Боднарчук С.** 2016. Спрощення держреєстрації: боротьба з рейдерством чи допомога в незаконних захопленнях бізнесу? *Закон і бізнес*. № 32(1278). URL: http://zib.com.ua/ua/125033-sproschennya_derzhreestracii_borotba_z_reyderstvom_chi_dopom.htm [Bodnarchuk S. 2016. The simplification of state registration: the fight against raiding or assistance in unlawful seizure of business? *Zakon i biznes*. No 32(1278). URL: http://zib.com.ua/ua/125033-sproschennya_derzhreestracii_borotba_z_reyderstvom_chi_dopom.htm (In Ukr.)]
- Варналій З.** (Ред.). 2006. *Тіньова економіка: сутність, особливості та шляхи легалізації*. Київ: Національний ін-т стратегічних досліджень. 576 с. [Varnalii Z. (Ed.). 2006. *Shadow economy: the nature, characteristics and ways of legalization*. Kyiv: National Institute of Strategic Studies. 576 p. (In Ukr.)]
- Вернер К., Вайс Г.** 2007. *Черная книга корпораций*. Екатеринбург: Ультра.Культура. 416 с.

[Werner K., Weiss H. 2007. *Das Neue Schwarzbuch Markenfirmen*. Ekaterinburg: Ul'tra.Kul'tura. 416 p. (In Russ.)]

Ворона В., Шульга М. (Ред.). 2014. *Українське суспільство: моніторинг соціальних змін*. Вип. 1(15). Т. 1. Додаток: Таблиці моніторингового опитування «Українське суспільство-2014» Київ: Ін-т соціології НАН України. 96 с. [Vorona V., Shulha M. (Eds.). 2014. *Ukrainian society: monitoring of social change*. Iss. 1(15). Vol. 1.: Dodatok: Tablytsi monitorynhovoho opytuvannia «Ukrainske suspilstvo-2014» Appendix: Tables of monitoring survey «Ukrainian Society-2014». Kyiv: Institute of Sociology of NAS of Ukraine. 96 p. (In Ukr.)]

Гальчинський А. 2001. *Суперечності реформ: у контексті цивілізаційного процесу*. Київ: Українські пропілеї. 320 с. [Halchynskiy A. 2001. *Contradictions reforms: in the context of the civilization process*. Kyiv: Ukrainski propilei. 320 p. (In Ukr.)]

Гриценко А. 2016. «Украинское экономическое чудо», или Куда ведут реформы? *Зеркало недели*. 17–23 июня. № 22. URL: <http://gazeta.zn.ua/macrolevel/ukrainskoe-ekonomicheskoe-chudo-ili-kuda-vedut-reformy-.html> [Gricenko A. 2016. «Ukrainian economic miracle», or Where are the reforms? *Zerkalo nedeli*. June 17–23. No 22. URL: <http://gazeta.zn.ua/macrolevel/ukrainskoe-ekonomicheskoe-chudo-ili-kuda-vedut-reformy-.html> (In Russ.)]

Даниленко А. (Ред.). 2014. *Вплив кризи на фінанси реального сектора економіки України та шляхи їх оздоровлення*. Київ: Ін-т екон. та прогнозув. НАН України. 520 с. [Danylenko A. (Ed.). 2014. *Impact of the crisis on the finance of Ukraine's real economy and ways of it recovery*. Kyiv: Institute for Economics and Forecasting of NAS of Ukraine. 520 p. (In Ukr.)]

Капелюшников Р. 2004. Право собственности (очерк современной теории). *Отечественные записки*. 2004. № 6. URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/6/pravo-sobstvennosti-ocherk-sovremennoy-teorii> [Kapelyushnikov R. 2004. Property rights (sketch of the modern theory). *Otechestvennye zapiski*. 2004. No 6. URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/6/pravo-sobstvennosti-ocherk-sovremennoy-teorii> (In Russ.)]

Капелюшников Р. 2008. Собственность без легитимности? *Препринт WP3/2008/03*. Москва. ГУ ВШЭ. 40 с. [Kapelyushnikov R. 2008. Ownership without legitimacy? *Working paper WP3/2008/01*. Moscow: State University – Higher School of Economics. 40 p. (In Russ.)]

Нуреев Р. (Ред.). 2003. *Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ)*. Ч. 2. Фирмы современной России. Москва. 349 с. [Nureyev R. (Ed.). 2003. *Economic subjects of post-Soviet Russia (institutional analysis)*. Part 2. Firms of modern Russia. Moscow. 349 p. (In Russ.)]

Перкинс Дж. 2005. *Исповедь экономического убийцы*. Москва: Pretext. 319 с. [Perkins J. 2005. *Confessions of an Economic Hit Man*. Moscow: Pretext. 349 p. (In Russ.)]

Полтерович В. 2012. *Приватизация и рациональная структура собственности*. Москва: Ин-т экономики РАН. 66 с. [Polterovich V. 2012. *Privatization and the Rational Ownership Structure*. Moscow: Institute of Economy RAS. 2012. 66 p. (In Russ.)]

Радьгин А., Энтов Р. 2013. «Фундаментальная» теорема приватизации: идеология, эволюция, практика. *Экономическая политика*. № 6. С. 7–45. [Radygin A., Entov R. 2013. «Fundamental» theorem of privatization: ideology, evolution, practice. *Ekonomicheskaya politika*. No 6. PP. 7–45. (In Russ.)]

Резнік В. 2006. Стан соціальної легітимності приватної власності на землю та капітал. *Українське суспільство 1992–2006. Соціологічний моніторинг*. За ред. В. Ворони, М. Шульги. Київ: Ін-т соціології НАН України. С. 118–128. [Reznik V. 2006. State of social legitimacy of private ownership on land and capital. *Ukrainske suspilstvo 1992–2006. Sotsiologichnyi monitorynh Ukrainian Society 1992–2006. Sociological monitoring*. Ed. V. Vorona and M. Shulha. Kyiv: Institute of Sociology of NAS of Ukraine. PP. 118–128. (In Ukr.)]

Рущенко И. 2008. «Криминальная революция» как социетальный фактор. *Социология: теория, методы, маркетинг*. № 3. С. 194–210. [Rushchenko I. 2008. «Criminal Revolution» as a societal factor. *Sociologiya: teoriya, metody, marketing*. No 3. PP. 194–210. (In Russ.)]

Рущенко И. 2014. От «криминальной революции» к «криминальному обществу». *Социология: теория, методы, маркетинг*. № 2. С. 3–22. [Rushchenko I. 2014. From the «criminal revolution» to «criminal society» *Sociologiya: teoriya, metody, marketing*. No 2. PP. 3–22. (In Russ.)]

Сонин К. 2005. Институциональная теория бесконечного передела. *Вопросы экономики*. № 7. С. 1–15. [Sonin K. 2005. Institutional Theory of Endless Redistribution. *Voprosy ekonomiki*. No 7. PP. 1–15. (In Russ.)]

Стиглиц Дж. 2003. *Глобализация: тревожные тенденции*. Москва: Национальный общественно-научный фонд, Мысль. 304 с. [Stiglitz J. 2003. *Globalization: disturbing trends*. Moscow: The National Social Science Foundation, Mysl'. 304 p. (In Russ.)]

Glaeser E., Scheinkman J., Shleifer A. 2003. The Injustice of Inequality. *Journal of Monetary Economics*. Vol. 50. No 1. PP. 199–222.

Libman A. 2008. Different paths of the second transition in the post-Soviet world: a political-economic analysis. *MPRA Paper*. No 11781. 16 p.

Musacchio A., Lazzarini S. 2012. Leviathan in Business: Varieties of State Capitalism and their Implications for Economic Performance. Harvard Business School. *Working Paper 12-108*. June 4. 63 p.

Sappington D., Stiglitz J. 1987. Privatization, information and incentives. *Journal of Policy Analysis and Management*. Vol. 6. Iss. 4. PP. 567–585.

Stiglitz J.E. 2000. Capital Market Liberalization, Economic Growth, and Instability. *World Development*. Vol. 28. No 6. PP. 1075–1086.

UKRAINE: OLIGARCHIC TRAP OF DEVELOPMENT IN THE CONTEXT OF INSTITUTIONAL TRANSFORMATIONS

Yuri Kindzers'kyi¹

Author affiliation: ¹ Institute for Economics and Forecasting Ukrainian National Academy of Science (Kyiv, Ukraine).

Corresponding author: Yuri Kindzers'kyi (vkpp@ukr.net).

ABSTRACT. The paper focuses on the problems of property relations transformation in Ukraine. Shown are the drawbacks of denationalization that led to the formation of an oligarchy and institutional oligarchic traps. Disclosed are the oligarchization's negative consequences in the context of creating prerequisites for the effective functioning of the property institution. Recommendations are given for its further reformation based on the idea of forming a rational proportion between public and private property and overcoming oligarchism, as well as developing the priority sectors of the economy and inclusive development of society taken on the whole.

KEYWORDS: oligarchy, institutional trap, the privatization of state, property rights, strategic property.

JEL-code: E61, D02, D73.

Received 1.11.2016

REFERENCES

1. Авдашева С., Долгопятова Т., Пляйнес Х. 2007. Корпоративное управление в АО с государственным участием: российские проблемы в контексте мирового опыта. Препринт WP1/2007/01. Москва: ГУ ВШЭ. 52 с. [Avdasheva S., Dolgopyatova T., Pleines H. 2007. Corporate Governance in Russian Companies with State Ownership. Working paper WP1/ 2007/01. Moscow: State University – Higher School of Economics. 52 p. (In Russ.)]
2. Аджемоглу Д., Робинсон Дж. 2015. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. Москва: Изд-во АСТ. 575 с. [Acemoglu D., Robinson J. 2015. Why Nations Fail. The Original of Power, Prosperity, and Poverty. Moscow: AST Publishers. 575 p. (In Russ.)]
3. Аузан А. 2004. Вертикальный контракт неустойчив. Отечественные записки. № 6. URL:<http://www.strana-oz.ru/2004/6/vertikalnyykontrakt-neustoychiv> [Auzan A. 2004. Vertical contract unstable. Otechestvennye zapiski. No 6. URL:<http://www.strana-oz.ru/2004/6/vertikalnyykontrakt-neustoychiv> (In Russ.)]
4. Барановський О., Сіденко В. 2004. Проблеми власності та легалізації капіталу в Україні. Національна безпека і оборона. № 2. С. 2–13. [Baranovskyi O., Sidenko V. 2004. Issues of ownership and legalization of capital and income in Ukraine. Natsionalna bezpeka i oborona. No 2. PP. 2–13. (In Ukr.)]
5. Барсукова С. 2006. Теневая экономика и теневая политика: механизм сращивания. Препринт WP4/2006/01. Москва: ГУ ВШЭ. 48 с. [Barsukova S. 2006. Shadow Economy and Shadow Politics: The Mechanism of Merging. Working paper WP4/2006/01. Moscow: State University – Higher School of Economics. 48 p. (In Russ.)]
6. Бессонова О. 2008. Образ будущего России в контексте теории раздаточной экономики. Публичные лекции «Полит.ру». 5 декабря. URL:<http://www.polit.ru/lectures/2008/12/05/bessonova.html> [Bessonova O. 2008. The image of the future of Russia in the context of the theory of the transfer of the economy. Publichnyye lektcii «Polit.ru». December 5th. URL: <http://www.polit.ru/lectures/2008/12/05/bessonova.html> (In Russ.)]
7. Боднарчук С. 2016. Спрощення держреєстрації: боротьба з рейдерством чи допомога в незаконних захопленнях бізнесу? Закон і бізнес. №32(1278). URL: http://zib.com.ua/ua/125033-sproschennya_derzhreestracii_borotba_z_reyderstvom_chi_dopom.htm [Bodnarchuk S. 2016. The simplification of state registration: the fight against raiding or assistance in unlawful seizure of business? Zakon i biznes. No 32(1278). URL:http://zib.com.ua/ua/125033-sproschennya_derzhreestracii_borotba_z_reyderstvom_chi_dopom.htm (In Ukr.)]
8. Варналій З. (Ред.). 2006. Тіньова економіка: сутність, особливості та шляхи легалізації. Київ: Національний інститут стратегічних досліджень. 576 с. [Varnalii Z. (Ed.). 2006. Shadow economy: the nature, characteristics and ways of legalization. Kyiv: National Institute of Strategic Studies. 576 p. (In Ukr.)]
9. Вернер К., Вайс Г. 2007. Черная книга корпораций. Екатеринбург: Ультра.Культура. 416 с. [Werner K., Weiss H. 2007. Das Neue Schwarzbuch Markenfirmen. Ekaterinburg: Ul'tra.Kul'tura. 416 p. (In Russ.)]
10. Ворона В., Шульга М. (Ред.). 2014. Українське суспільство: моніторинг соціальних змін. Вип. 1(15). Т. 1. Додаток: Таблиці моніторингового опитування «Українське суспільство-2014» Київ: Інститут соціології НАН України. 96 с. [Vorona V., Shulha M. (Eds.). 2014. Ukrainian society: monitoring of social change. Iss. 1(15). Vol. 1.: Dodatok: Tablytsi monitorynhovoho opyutvannia «Ukrainske suspilstvo-2014» Appendix: Tables of monitoring survey «Ukrainian Society-2014». Kyiv: Institute of Sociology of NAS of Ukraine. 96 p. (In Ukr.)]
11. Гальчинський А. 2001. Суперечності реформ: у контексті цивілізаційного процесу. Київ: Українські прорізи. 320 с. [Halchynskyi A. 2001. Contradictions reforms: in the context of the civilization process. Kyiv: Ukrainski propilei. 320 p. (In Ukr.)]
12. Гриценко А. 2016. «Українське економічне чудо», або Куди ведуть реформи? Зеркало неділі. 17–23 червня. № 22. URL: http://gazeta.zn.ua/macrolevel/ukrainskoe-ekonomicheskoe-chudo-ili-kudavedut-reformy_.html [Gricenko A. 2016. «Ukrainian economic miracle», or Where are the reforms? Zerkalo nedeli. June 17–23. No 22. URL: http://gazeta.zn.ua/macrolevel/ukrainskoe-ekonomicheskoe-chudo-ili-kudavedut-reformy_.html (In Russ.)]
13. Даниленко А. (Ред.). 2014. Вплив кризи на фінанси реального сектора економіки України та шляхи їх оздоровлення. Київ: Інститут економіки та прогнозування НАН України. 520 с. [Danylenko A. (Ed.). 2014. Impact of the crisis on the finance of Ukraine's real economy and ways of it recovery. Kyiv: Institute for Economics and Forecasting of NAS of Ukraine. 520 p. (In Ukr.)]
14. Капелюшников Р. 2004. Право собственности (очерк современной теории). Отечественные записки. 2004. № 6. URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/6/pravo-sobstvennosti-ocherk-sovremennoy-teorii> [Kapelyushnikov R. 2004. Property rights (sketch of the modern theory). Otechestvennye zapiski. 2004. No 6. URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/6/pravosobstvennosti-ocherk-sovremennoy-teorii> (In Russ.)]
15. No 6. URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/6/pravosobstvennosti-ocherk-sovremennoy-teorii> (In Russ.)]

16. Капелюшников Р. 2008. Собственность без легитимности? Препринт WP3/2008/03. Москва. ГУ ВШЭ. 40 с. [Kapelyushnikov R. 2008. Ownership without legitimacy? Working paper WP3/2008/01. Moscow: State University – Higher School of Economics. 40 p. (In Russ.)]
17. Нуреев Р. (Ред.). 2003. Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ). Ч. 2. Фирмы современной России. Москва. 349 с. [Nureyev R. (Ed.). 2003. Economic subjects of post-Soviet Russia (institutional analysis). Part 2. Firms of modern Russia. Moscow. 349 p. (In Russ.)]
18. Перкинс Дж. 2005. Исповедь экономического убийцы. Москва: Pretext. 319 с. [Perkins J. 2005. Confessions of an Economic Hit Man. Moscow: Pretext. 349 p. (In Russ.)]
19. Полтерович В. 2012. Приватизация и рациональная структура собственности. Москва: Ин-т экономики РАН. 66 с. [Polterovich V. 2012. Privatization and the Rational Ownership Structure. Moscow: Institute of Economy RAS. 2012. 66 p. (In Russ.)]
20. Радыгин А., Энтов Р. 2013. «Фундаментальная» теорема приватизации: идеология, эволюция, практика. Экономическая политика. № 6. С. 7–45. [Radygin A., Entov R. 2013. «Fundamental» theorem of privatization: ideology, evolution, practice. Ekonomicheskaya politika. No 6. PP. 7–45. (In Russ.)]
21. Резник В. 2006. Стан соціально легітимності приватної власності на землю та капітал. Українське суспільство 1992–2006. Соціологічний моніторинг. За ред. В. Ворони, М. Шульги. Київ: Ін-т соціології НАН України. С. 118–128. [Reznik V. 2006. State of social legitimacy of private ownership on land and capital. Ukrainiske suspilstvo 1992–2006. Sotsiologichnyi monitorynh Ukrainian Society 1992–2006. Sociological monitoring. Ed. V. Vorona and M. Shulha. Kyiv: Institute of Sociology of NAS of Ukraine. PP. 118–128. (In Ukr.)]
22. Рущенко И. 2008. «Криминальная революция» как социетальный фактор. Социология: теория, методы, маркетинг. № 3. С. 194–210. [Rushchenko I. 2008. «Criminal Revolution» as a societal factor. Sociologiya: teoriya, metody, marketing. No 3. PP. 194–210. (In Russ.)]
23. Рущенко И. 2014. От «криминальной революции» к «криминальному обществу». Социология: теория, методы, маркетинг. № 2. С. 3–22. [Rushchenko I. 2014. From the «criminal revolution» to «criminal society» Sociologiya: teoriya, metody, marketing. No 2. PP. 3–22. (In Russ.)]
24. Сонин К. 2005. Институциональная теория бесконечного передела. Вопросы экономики. № 7. С. 1–15. [Sonin K. 2005. Institutional Theory of Endless Redistribution. Voprosy ekonomiki. No 7. PP. 1–15. (In Russ.)]
25. Стиглиц Дж. 2003. Глобализация: тревожные тенденции. Москва: Национальный общественнонаучный фонд, Мысль. 304 с. [Stiglitz J. 2003. Globalization: disturbing trends. Moscow: The National Social Science Foundation, Mysl'. 304 p. (In Russ.)]
26. Glaeser E., Scheinkman J., Shleifer A. 2003. The Injustice of Inequality. Journal of Monetary Economics. Vol. 50. No 1. PP. 199–222.
27. Libman A. 2008. Different paths of the second transition in the post-Soviet world: a politocaleconomic analysis. MPRA Paper. No 11781. 16 p.
28. Musacchio A., Lazzarini S. 2012. Leviathan in Business: Varieties of State Capitalism and their Implications for Economic Performance. Harvard Business School. Working Paper 12-108. June 4. 63 p.
29. Sappington D., Stiglitz J. 1987. Privatization, information and incentives. Journal of Policy Analysis and Management. Vol. 6. Iss. 4. PP. 567–585.
30. Stiglitz J.E. 2000. Capital Market Liberalization, Economic Growth, and Instability. World Development. Vol. 28. No 6. PP. 1075–1086.